

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9.01

<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-90-99>

Иррациональность как ресурс совладания с неопределенностью

Елена Евгеньевна Сапогова¹

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, esapogova@yandex.ru

Аннотация

В статье аргументируется тезис об иррациональности как потенциальном ресурсе для совладания с переживанием дискомфорта неопределенности. Иррациональность рассматривается как своеобразный способ компенсации ускоряющегося устаревания индивидуального опыта, невзроslения современных людей и становления фрагментарной идентичности. Выполнен сравнительный анализ возможностей рационального и иррационального поведения в ситуациях, когда имеющегося опыта оказывается недостаточно, а избежать необходимости принятия решения и действия человек не может. Автор формулирует положения о возможностях иррациональной установки во взаимодействии с реальностью как основе трансгрессивного поведения и использовании новых возможных «логик» в познании человеком реальности и самого себя.

Ключевые слова: неопределенность, личность, опыт, рациональность, иррациональность, идентичность

Для цитирования: Сапогова Е. Е. Иррациональность как ресурс совладания с неопределенностью // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 3 (55). С. 90–99. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-90-99>

PSYCHOLOGY

Original article

Irrationality as a resource for coping with uncertainty

Elena E. Sapogova¹

¹ Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, esapogova@yandex.ru

Abstract

Transformations connected with modern processes of informatization and digitalization make a person's habitual living environment fundamentally different and change himself, requiring new forms of behavior and choices of a model of action. In the paradigm of existential psychology, the article substantiates the thesis about irrationality as a potential resource for coping with the experience of discomfort of uncertainty. The author reviews irrationality as a manner of thinking, as a way of behavior in a diverse social reality, as a mode of existence of an individual in conditions of uncertainty and as an integral part of the modern self. The novelty of the author's approach lies in the fact that irrationality is seen as a specific extra way of compensating for the accelerating obsolescence of individual experience, the non-adulthood of contemporary people and the becoming of a fragmentary identity. Using irra-

tionality contributes to the transformation of modern man into an “open system” and actualizes the ability to behave, shifting the frames between the already accepted, “own” senses and values of the subject and those potentially possible and realizable for him. A comparative analysis of the possibilities of rational and irrational behavior in situations where existing experience is insufficient but a person cannot avoid the need to make decisions and act is carried out. The author formulates provisions about the possibilities of an irrational attitude in interaction with reality as the basis of transgressive behavior and the use of new possible “logics” (axiologic, Bayesian logic, imaginative logic) in a person’s exploration of reality and himself.

Keywords: *uncertainty, personality, experience, rationality, irrationality, identity*

For citation: Sapogova E. E. Irratsional’nost’ kak resurs sovladaniya s neopredelennost’yu [Irrationality as a resource for coping with uncertainty]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2024, vol. 3 (55), pp. 90–99. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-90-99>

...Ничто не идеально. Жизнь беспорядочна.

Отношения сложные. Исходы неясны. Люди иррациональны.

Хью Маккей

Тема неопределенности, характеризующая существование современного человека, а вместе с ней вопросы риска, случайности, нечеткости и т. п. часто звучат в сегодняшних научных дискурсах, поскольку трансформации, связанные с информатизацией и цифровизацией, сделали другой привычную среду обитания человека и меняют его самого. Последствия массового осознания влияния неопределенности на человеческое развитие в начале XXI в. приводят к масштабным изменениям представлений человека о самом себе, возможностях и способах реализации собственной жизни и построении жизненной трансспективы. Сегодня, когда ранее «само собой разумеющееся становится непонятным» [1, с. 64], уже можно говорить о свершающемся на наших глазах масштабном перевороте общественного сознания, напоминающем кризис, пережитый человечеством после Первой мировой войны и внедривший в него экзистенциальные идеи. Человеческое существование сегодня воспринимается не так однозначно и цельно, как это, возможно, виделось в философско-психологической оптике XIX и даже XX в., и переживание *временности, ненадежности собственного бытия в мире обнаруживается* в новых феноменах: «коротких горизонтах» жизненного планирования, прекарных стратегиях существования, отсутствии проработанной линии жизни, подвластности людей случайно возникающим жизненным обстоятельствам из-за несформированности проекта самого себя и т. д. «Это беспокоящий и раздражающий опыт» [2, с. 8], от которого человек, возможно, и хотел бы уйти, но участия в котором ему никак не удастся избежать. В этом смысле неопределенность принудительно открывает для него новые перспективы организации взаимодействия с реальностью, помогающие преодолеть экзистенциальное замешательство (что делать? как жить?).

В этих обстоятельствах уже привычной человеку рациональности мышления и поведения не всегда бывает достаточно для адаптации и самоопределения, поэтому он в каком-то смысле вынужденно апеллирует к иррациональности, которая опирается не столько на точное знание и логику, сколько на ресурсы обыденного опыта и на составляющий основу обыденного сознания «здоровый смысл» [3]. Интерес к проблеме обращения современного человека к иррациональному усиливает тот факт, что оно само «не может быть представлено в однозначных и ясных формах и обозначает некий предел, отражающий полноту реальности» [4, с. 3].

Иррациональность выступает сегодня и как способ мышления, и как способ поведения в многообразной социальной реальности, и как модус существования личности в условиях неопределенности, и как составляющая часть современного я. Дрейф к иррациональности обнаруживает себя в массовом смешении научных знаний с мистикой, оккультизмом, экстрасенсорными практиками и т. п.;

об этом же говорят иррациональное потребительское поведение, тенденция к символическим и/или перформансным действиям в отношении каких-либо предметов, лиц или явлений, склонность к созданию разнообразных субкультурных мифологий, тяготение к темам утопий и (пост)апокалипсиса в литературе и искусстве и пр.

Традиционно тяготея к усваиваемой в социализации онтологической упорядоченности и однозначности, современный человек часто не имеет реальной возможности противостоять «времени, нелинейности и безмерности настоящего» [5, с. 1], что создает внутренние диссонансы, требующие разрешения, порождает идеи компенсаторного контроля [6], заставляет прибегать к иллюзии неуязвимости, актуализирует веру в имманентную справедливость мира [7] и т. п. Отход от форм логического, рационального мышления при принятии жизненных решений ведет к его замещению интуитивными озарениями, инсайтами, иррациональной верой и пр. «Сближение рационального и иррационального, эмансипация чувственности и эмоциональности в противовес разуму и рассудочности по преимуществу формируют и специфику современного понимания человеческого бытия как динамичного, ускользающего от конкретности и самоотождествлений» [4, с. 3]. Это сближение делает также актуальным обращение к ресурсам коллективного бессознательного, в содержание которого входят своеобразные «антропологические универсалии», первоэлементы человеческого опыта, выступающие «не как результат логического анализа, а как наиболее насущные, общезначимые элементы жизненного мира», в чем-то сопоставимые с древнегреческим логосом [8, с. 11–12].

Существование в неопределенности требует не просто нового адаптивного поведения, но постепенно формирует соответствующие им новые адаптационные механизмы и модели личности (я) – «лоскутные», «альтернативные», «множественные», «процессуальные», «текущие», «прекарные» [9–11], «мерцающие», «треснувшие» [12], в каждой из которых, на наш взгляд, принципиально размывается основной экзистенциальный императив, отвечающий за взросление человека, – принятие своего существования как *исключительно собственной жизненной задачи. Невзросление в условиях быстрого устаревания и постоянной сменяемости обретаемого опыта сегодня выступает как отдельная психологическая проблема, а сегодняшняя открытая, никогда не завершенная фрагментарная идентичность с вероятностно-возможностным, альтернативным характером ее реализации является ее следствием.*

Выталкивая «неподконтрольное будущее за горизонты осмысления» [13, с. 71], современный субъект меняет *привычные онтологические ориентиры*: он легче доверяется случайности, допуская непредсказуемое и не зависящее от его собственных характеристик попадание в те или иные обстоятельства; он глубже погружается в быт, в обыденность, избегая трудностей выстраивания своего бытия. И тогда он либо оказывается в условиях невоплощенной экзистенции, усиливающей фаталистическое и отстраненное отношение к реальности, эскапирование из нее в виртуальные пространства (наглядный пример – японские хикикомори [14]), либо при принятии смысловых решений попадает во власть смутных ощущений, внезапно охватывающих его экзистенциально-эмоциональных состояний, иррациональных порывов и пр.

Существование в неопределенности сопровождается появлением более сложных комплексных переживаний, чем даже те, которые рождаются в условиях «негативной ясности». Среди них обнаруживаются переживание невозможности (или неспособности) к быстрой и адекватной адаптации к непредсказуемо и постоянно меняющимся условиям жизни, отсутствие чувства естественно гарантированной стабильности; субъективное ощущение ускорения темпа жизни, требующее от субъекта постоянной гонки при отсутствии временных зазоров, чтобы остановиться, оглянуться; восприятие своего существования как нецельного, лишённого ценностного стержня, непреодолимой смысловой фрагментарности жизненного пути и пр. Страх перед неопределенностью, тревога, зависимость от неконтролируемых воздействий реальности также открывают свободу функционирования иррациональных компонентов сознания, начинающих поиски оснований себя и новых го-

ризонтов своего существования в тех направлениях, которые ранее не принимались во внимание или же отрицались как ненадежные или невозможные.

Ведомый ими субъект толкает себя к поведенческим эвристикам, риску, авантюре, следованию за своей интуицией, склоняется к феноменологическим объяснительным парадигмам с их «непосредственным восприятием» реальности, поскольку в условиях неопределенности в этом ему видится некая целесообразность: «только решившись на риск, положившись на ничего не знающего и ничем не обладающего себя, практически на ничто» [15, с. 55], он сегодня получает возможность жизнестворчества.

Рациональная или иррациональная реакция человека возникает на разнообразные жизненные происшествия, которые идут в повседневности непрерывным потоком (метафорически можно сказать, что все мы сегодня чаще бываем не столько в ресурсе, сколько в потоке), и на многочисленные ситуации коммуникации, порождающие множество альтернативных вариантов выбора при принятии решений, усиливая и без того имеющуюся тенденцию людей к смене решения на ходу [16, с. 20]. Сегодня даже говорят об «иррациональности рационального человека» [16, с. 20], склонного к принятию решений в результате воздействия эмоций, самообмана, эффектов коллективного мышления, неосознанного согласия с большинством или авторитетом, риска, подражания, тяготения к использованию «быстрых клавиш» (кратчайших путей для избавления от дискомфорта неопределенности) и пр.

Обычно рациональный и иррациональный способы освоения реальности для личности неразделимы, хотя негласно признается большая ценность рационального познания, позволяющего человеку, основываясь на разуме, соизмерять себя с реальностью, вписывать себя в нее, осуществлять самопознание, просчитывать выгоду и т. д. Тем не менее иррациональность мыслится более древним, первичным, хтоническим и непосредственным режимом взаимодействия человека и мира, из которого, собственно, и онтологически, и онтогенетически когда-то выделилась рациональность. Возможно, поэтому в условиях неопределенности человек естественным образом вновь обращается к нему.

Современные трактовки рациональности многоплановы: она понимается как «специфический тип упорядоченности, особая структура, противостоящая бесструктурности и принципиальной невыразимости; характеристика системы мироздания; атрибутивное свойство всех технических цивилизаций; характеристика познания; характеристика методологии или правил деятельности; характеристика поведения» [17, с. 23]. С ее помощью человек веками пытался взять под контроль реальность, подчинить своим потребностям и сделать понятными и управляемыми ее разные сферы. Но сегодня, осознавая силу неопределенности, человек все чаще попадает в условия не предсказуемой рациональным путем проблематизации собственного будущего, сталкивается с необходимостью взаимодействовать с отсутствующими в опыте характеристиками реальности, и это снова делает востребованными «спящие» ресурсы иррациональности. Одновременно в расширяющемся за их счет «контейнере возможностей» человеку становится сложнее нащупать и реализовать «тот самый», «свой» путь, что не только снижает переживание самоуправления, но и нередко формирует нарратив беспомощности, отчаяния, виктимности [18].

Иррациональное («противоразумное») познание реальности и опора на него при принятии решений также трактуются двояко. В первом случае речь идет о соприкосновении субъекта с наличием «непознаваемого никем и никогда», и в этом смысле оно теряет какую-либо ценность в познании реальности или самого себя. Но во втором случае иррациональное представляет собой «еще не ставшее рациональным» знание о реальности, потенциально способное превратиться в рациональное. И тогда опора на веру и интуицию, на способность к символическим построениям, на оперирование метафорами и иносказаниями и т. д. в процессах рефлексии и передачи жизненного опыта значительно расширяет гносеологические возможности личности, становясь орудием самоопреде-

ления. В условиях неопределенности это воспринимается как вполне функциональный ресурс для совладания с вызываемым ею дискомфортом: человеку иногда в буквальном смысле слова приходится делать рациональное из иррационального, потому что больше его не из чего делать.

Обе установки во взаимодействии с миром могут направляться субъектом как на внешний мир, так и на самого себя. Для совладания с неопределенностью в первом случае речь больше идет о необходимости смыслового доопределения и/или переопределения ситуации, во втором – о смысловом и ценностном доопределении или переопределении самого себя, своих характеристик, т. е. о саморазвитии, построении «я-иного» из «я-наличного». В первом случае больше акцентируется познавательный потенциал и доминирование мыслительных, рефлексивных процессов, во втором – трансгрессивное поведение, уклоняющееся от привычного и основанное на сканировании реальности с опорой на интуицию, серендипность, веру, инстинктивность и пр. В оптике разделяемой нами экзистенциальной парадигмы нас больше интересуют аспекты второго.

Сопрягаясь в структуре личности с потенциальным, фантастическим я, «иррациональное я» может быть определено как совокупность схватываемых интуицией неосознаваемых до конца граней самого себя, вовлекаемых в принятие решений экзистенциального плана и амплифицирующих появление новых смысловых синтагм. При этом человек рассчитывает на получение желаемого адаптивного результата без предварительного прогнозирования, оценивания, планирования, анализа альтернатив и пр., полагая, что сам конкретный факт столкновения с необходимостью меняться, принимать решения, совершать поступки в условиях неопределенности приведет к актуализации нужных выборов во благо личности без ее когнитивного участия, практически инстинктивно. Такая стратегия опирается на веру в наличие «непознанного в себе», способного актуализироваться спонтанно и формировать трансгрессивные поведенческие траектории.

Обращение к иррациональному не исключает рациональное, обычно именно вместе они создают новые возможности для решения проблем, постановки целей, выбора или обнаружения неожиданных ориентиров для жизнеосуществления. Дополнительные апелляции личности к дорефлексивным фундаментальным очевидностям пополняют ресурс совладания с дискомфортом неопределенности. Сложность здесь состоит в том, что в иррациональных мыслях, решениях, выборах, поступках имеется элемент деструкции по отношению к самому себе (он-то и вызывает страхи, сомнения, тревогу, депрессивные переживания), поскольку человеку приходится не полагаться на самого себя и свой актуальный опыт, а, наоборот, отрицать самого себя в качестве самопричины, источника самоопределения и т. д. и мобилизовать на поиск нового. Такая ситуация в целом препятствует взрослению и провоцирует возникновение метапатологий [19].

Сегодня, когда текущая действительность существенно отличается от известного по опыту мира прошлого, человек не всегда поспевает за скоростью изменений, претерпеваемых реальностью. Его индивидуальный опыт устаревает так быстро и кардинально, что он не успевает отслеживать, верифицировать и рационально ассимилировать возникающие новшества. В его жизни все реже повторяются те ситуации, в которых и для которых этот опыт приобретался. Этот факт постоянно отбрасывает взрослеющую личность в статус ребенка, порождая состояние, в котором мир регулярно выступает как неизвестный, новый, чуждый и непонятный [20]. Невозможность самостоятельной оценки быстро обновляющегося опыта делает человека доверчивым и открытым к любым информационным источникам, в том числе рекламе, пропаганде, фейкам, чужой суггестии и манипуляциям. О. Марквард образно именует такую ситуацию жизнью понаслышке, в которой человек с готовностью и без критического осмысления принимает как чужое знание, транслируемое через Интернет, социальные сети, мессенджеры и пр., так и собственные до конца не семантизированные ощущения и чувствования [20]. Принимая на веру информацию, которую нет возможности верифицировать и даже вообще добыть самостоятельно, человек перестает взрослеть в классическом понимании этого процесса и снова вынужден апеллировать к своему «иррациональному я».

Общепсихологический контекст понимания иррациональности определяет ее как специфическую установку сознания на непосредственное восприятие происходящего. Ее систематическая актуализация легко становится личностной чертой, защищая субъекта от сомнений и критики путем фильтрации через рациональные категории. Современный субъект демонстрирует разнообразные формы функционирования своего «иррационального я»: это иррациональность конформизма, привычек, предрассудков и нелогичного мышления; экспириентальные и эмоциональные иррациональности; саморазрушающие формы поведения [21], тяготение в принятии жизненных решений к поведенческим эвристикам даже вопреки рациональным соображениям в качестве даже не дополнительного, а основного ресурса и т. д. [22].

В этом ряду особый статус имеет готовность к принятию нереального и/или невозможного как осуществимого. Иррациональные компоненты усиливаются в трудных жизненных ситуациях (стресса, снижения возможности управления и контроля, угрозы жизни и здоровью, отсутствия поддержки, полной аффективной вовлеченности в значимую ситуацию и пр. [23]), когда привычных, опирающихся на рациональность способов их разрешения оказывается недостаточно и привлекаются ресурсы обыденного сознания, вынуждая даже взрослую личность соскальзывать на интуитивный, магический уровень их осмысления.

В содержание иррационального я входят разные компоненты: базисные убеждения и индивидуальные когнитивные схемы, иррациональные установки, дисфункциональные аттитюды, стереотипы, предрассудки и пр. Все они в большей или меньшей мере организуют поведение человека при столкновении с неопределенностью, в каком-то смысле освобождая его от необходимости осознания происходящего, от принятия и контроля.

Сопоставляя рациональное и иррациональное как разные установки на взаимодействие с реальностью в условиях неопределенности, отметим их разные потенциалы:

- рациональность характеризуется однозначностью, поиском причинно-следственных связей и обусловленности непонятных явлений чем-то объяснимым и очевидным; иррациональность в условиях неопределенности выступает как более целостное, синхронистичное, холистичное явление, отдающее приоритет целостному восприятию, пониманию, отношению в противовес анализу составляющих его частей; это, в частности, обуславливает связанную с ней большую толерантность к нестыковкам и противоречиям, возможность синтезировать противоречивые суждения в непротиворечивое целое, атрибутирование причин событий и явлений случайностью, ситуативными факторами, не зависящими от воли и сознания человека;

- рациональность апеллирует к объективной достоверности, проверяемости и подтверждаемости выборов и выводов; для иррационального поведения иногда бывает достаточно субъективной достоверности, веры;

- рациональность опирается на возможность адекватного транслирования, передачи фактов и аргументов доступным образом; иррациональность предполагает интуитивное чувство чего-то как истинного или, по крайней мере, как вероятно-возможностного, поэтому часто вообще не предполагает трансляции и, следовательно, необходимости перевода используемого содержания в понятную другим форму; одновременно в этом плане в иррациональном, как кажется, содержится больше возможностей для сотворчества; к этому стоит добавить, что в экзистенциальной оптике «опыт человека в своих предельных основаниях не может быть объективирован и представлен в виде рациональных конструкций: поскольку опыт индивидуален, то попытки его объективировать и передать другим людям приводят к созданию рациональных построений, которые уже ничего общего с этим опытом не имеют. Для передачи, точнее, заражения опытом более эффективны не рациональные формы рефлексии, а символический язык, языковое творчество, иносказания, тропы и т. п.» [16, с. 19];

- рациональное дискурсивно и осознаваемо; иррациональное, никогда не осознаваясь до конца как механизм познания и принятия решения, опирается на интуицию, прозрение, «инсайт», катарсис.

В чем мы видим ресурсность обращения к иррациональности при принятии решений, при выборе стратегии поведения в условиях неопределенности существования? В первую очередь можно говорить о возможности с его помощью снизить переживания дискомфорта: посредством иррациональных мыслей и действий частично снижается страх незнания, ошибки, информационной перегрузки, страх перед футуршоками, в терминологии Э. Тоффлера [24, с. 277], и человек в каком-то смысле освобождает себя от принятия решений, занимая фаталистическую («будь что будет») или инфантильную («кто-то/что-то обязательно появится и поможет») позицию [20]. И то, и другое приводит к немедленному «терапевтическому» эффекту, пусть даже и краткосрочному, после чего уже к принятию решения может подключаться рациональность.

Одновременно допущение для себя нерациональных действий как таковых (мистицизм, нигилизм, апатия, алкоголизм и др.) выступает для взрослой, отягощенной ответственностью за принятие решений личности специфическим защитным механизмом, способом эскапировать от ситуаций неопределенности, например в асоциальность, путем построения новых, неприемлемых для нее ранее связей между целями действий (решить проблему, сделать выбор) и способами их достижения (опьянение, вандализм). Тем самым также снимается внутреннее напряжение, вызванное неопределенностью.

Также в качестве ресурса временного совладания с неопределенностью иррациональность может выражаться в присоединении к массовым идеям и трендам, к толпе через готовность к эмоциональному заражению, подражанию, внушению. Это актуализирует древние биологические механизмы, характерные для социальных животных, принуждая человека доверчиво, без индивидуального приложения к себе и критического обдумывания принять в качестве решения выбор большинства, массовый шаблон вне зависимости от его потенциальной эффективности. В этом случае до- и переопределение параметров ситуации неопределенности пассивно делегируется другим, массе, не оставляя человека наедине с необходимостью принимать решение. В указанных функциях иррациональность чаще используется как разовый ресурс. Но, когда неопределенность образует постоянный фон существования, приходится говорить об актуализации инстинктивной сферы человека.

Ресурс иррациональности при принятии решений, тем более при выборе стратегии жизнеосуществления, видится также в интегративности содержания, к которому в этом случае обращается личность (неразрывности в ней интеллектуального, эмоционального, морального, коммуникативного компонентов), и его аксиоматичности, поскольку оно кажется самоочевидным, сомообоснованным, присущим реальности самой по себе как таковой, но более всего – в его высокой потенциальности. Содержание, актуализируемое при иррациональном поведении, обладает открытой структурой, допускает множество толкований и вариаций применения.

Таким образом, отдаваясь в определенных ситуациях во власть иррациональности, человек фактически актуализирует специфическую форму осмысления мира, адекватную для существования в неопределенности и открывающую для него свои возможности, и тем самым дополняет возможности рационального взаимодействия с реальностью принципиально иной «методологией». Эту непривычную ему парадигму отношений с реальностью нельзя считать полностью «неразумной» или «нецелесообразной», тем более что выражать себя иррациональное может не только в описанных выше формах, но и, например, в новаторском искусстве, разработке прорывных технологий, самопожертвовании во имя идеи или принципа.

Обращаясь к иррациональному, человек получает возможность обнаружить функционирование и ресурсы совершенно иных «логик», например аксиологии (логики ценностной обусловленности) или допускающей противоречивость байесовой логики, о которой писал В. В. Налимов [25], или имажинативной, сплетающей мышление и воображение, логики, описанной Я. Э. Голосовке-ром [26, 27], или логики синхронистичности К. Г. Юнга [28, 29]. Движение в плоскости этих «логик» способно открывать человеку новые смыслы, строить новые ментальные системы и рождать

новые стратегии поведения, особенно в ситуации высоких скоростей информационных потоков и неопределенности. Обращение к иррациональности способствует трансформации современного человека в «открытую систему» и актуализирует способность к трансгрессивному поведению, сдвигающему границы между уже принятыми, «особованными» субъектом смыслами и ценностями и потенциально для него возможными и реализуемыми.

Подводя итог, отметим, что иррациональность может быть рассмотрена как новый (или хорошо забытый старый) ресурс совладания с напряжением неопределенности, открывающий простор выбору и принятию решений в условиях, когда рациональности и логики для самоорганизации не хватает, а человек находится в (кризисной) ситуации, когда уклониться от принятия решения он не может. Человек не может быть пассивным в отношении окружающей его реальности, он неизбежно «переосознает» и переструктурирует свои связи с ней, исходя из текущего восприятия себя и бесконечно обновляющегося опыта осуществленного жизненного пути [30].

Список источников

1. Fink E. Nähe und Distanz. Phänomenologische Vorträge und Aufsätze. Freiburg; MUK.Alber, 2004. 331 p.
2. Чернавин Г. И. Непонятность само собой разумеющегося. СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, Добросвет, 2018. 244 с.
3. Тарутин Е. И. Обыденное сознание, его когнитивный и ценностный аспекты // Вестник АмГУ. 2010. № 50. С. 3–9.
4. Механикова Е. А. Рациональное и иррациональное «Я» в философии Л. И. Шестова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2003. 26 с.
5. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1–13.
6. Whitson J. A., Galinsky A. D., Kay A. The emotional roots of conspiratorial perceptions, system justification, and belief in the paranormal // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. Vol. 56 (1). P. 89–95.
7. Орестова В. Р., Ткаченко Д. П., Манчашвили М. А. Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 4. С. 50–64.
8. Эпштейн М. Н. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.
9. Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44. P. 645–655.
10. Breakwell G. M. Resisting representations and identity processes // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 6.1–6.11.
11. Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
12. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
13. Хорошилов Д. А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83.
14. Кэммоу А., Кузнецова Е. Безвыходное положение // Вокруг света. 2020. № 6 (2957). С. 118–119.
15. Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 39–74.
16. Глухарева Л. И., Тимина Е. И. Иррациональность рационального человека // Вестник РГГУ. 2014. № 15. С. 18–27.
17. Нагибина Н. Л., Артемцева Н. Г. Проблема рационального и иррационального в методологии научного познания // Человек, искусство, Вселенная / под ред. И. И. Ильасова, Н. Л. Нагибиной. М.: Центр развития человека, 2020. С. 21–34.
18. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 14–28.
19. Иванченко Г. В. Понятие метапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 3. С. 105–122.

20. Марквард О. Эпоха чуждости миру? // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (дата обращения: 24.11.2023).
21. Эллис А. Биологическое основание человеческой иррациональности // Журнал практического психолога. 2014. № 6. С. 133–159.
22. Tversky A., Kahneman D. Advances in project theory: Cumulative representation of uncertainty // Risk Uncertain. 1992. № 5 (4). P. 297–323.
23. Дерманова И. Б., Александрова О. В., Ткаченко А. Е., Кушнарева И. В. Рациональные и иррациональные компоненты оценки трудной жизненной ситуации взрослыми (на примере родственников детей, больных тяжелыми и угрожающими жизни заболеваниями) // Педиатр. 2017. Т. 8, № 6. С. 118–124.
24. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
25. Налимов В. В. Спонтанность сознания. М.: Академический проект, 2011. 399 с.
26. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 224 с.
27. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолюте. М.: Академический проект, 2012. 320 с.
28. Юнг К. Г. Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ, 2010. 352 с.
29. Мэнсфилд В. Синхронистичность, наука и созидание души. М.: Касталия, 2022. 332 с.
30. Сапогова Е. Е. Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40–59.

References

1. Fink E. *Nähe und Distanz. Phänomenologische Vorträge und Aufsätze*. Freiburg, MüK.Alber, 2004. 331 p.
2. Chernavin G. I. *Neponyatnost' samo soboy razumeyushchegosya* [The obscurity of the self-evident]. Saint Petersburg, Moscow, Tsentr humanitarnykh initsiativ, Dobrosvet Publ., 2018. 244 p. (in Russian).
3. Tarutina E. I. Obydennoye soznaniye, yego kognitivnyy i tsennostnyy aspekty [Ordinary consciousness, its cognitive and value aspects]. *Vestnik of Amur State University – AmGU Bulletin*, 2010, no. 50, pp. 3–9 (in Russian).
4. Mekhanikova E. A. *Ratsional'noye i irratsional'noye "Ya" v filosofii L. I. Shestova*. Avtoref. dis. kand. filos. nauk [Rational and irrational "I" in the philosophy of L. I. Shestov. Abstract of thesis cand. philos. sci.]. Krasnodar, 2003. 26 p. (in Russian).
5. Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of modern times: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 1–13 (in Russian).
6. Whitson J. A., Galinsky A. D., Kay A. The emotional roots of conspiratorial perceptions, system justification, and belief in the paranormal. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2015, vol. 56 (1), pp. 89–95.
7. Orestova V. R., Tkachenko D. P., Manchkhavili M. A. Irratsional'nost' myshleniya kak sposob sovladaniya s neopredelennost'yu sovremennogo mira [Irrational thinking as a way of coping with the uncertainty of the modern world]. *Vestnik of the Russian State Humanitarian University. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye*, 2021, no. 4, pp. 50–64 (in Russian).
8. Epshteyn M. N. *Pervoponyatiya: Klyuchi k kul'turnomu kodu* [First Concepts: Keys to the Cultural Code]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2022. 720 p. (in Russian).
9. Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. *Personality and Individual Differences*, 2008, vol. 44, pp. 645–655.
10. Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes. *Papers on Social Representations*, 2010, vol. 19, pp. 6.1–6.11.
11. Castells M. *The Information Age; Economy, Society and Culture*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
12. Komarov S. V. *Metafizika i fenomenologiya sub'yektivnosti* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2007. 736 p. (in Russian).
13. Khoroshilov D. A. Ontologicheskaya, sotsial'naya i psikhologicheskaya prekarnost': puti vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve [Ontological, social and psychological precarity: ways of interaction in a transitive society]. *Novyye psikhologicheskiye issledovaniya – New Psychological Research*, 2021, no. 2, pp. 64–83 (in Russian).
14. Kemmoku A., Kuznetsova E. Bezvykhodnoye polozheniye [Hopeless position]. *Vokrug sveta*, 2020, no. 6 (2957), pp. 118–119 (in Russian).

15. Toporov V. N. Sud'ba i sluchay [Fate and chance]. In: *Ponyatiye sud'by v kontekste raznykh kul'tur*. Otv. red. N. D. Arutyunova [The concept of fate in the context of different cultures. executive editor N. D. Arutyunova]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Pp. 39–74 (in Russian).
16. Glukhareva L. I., Timina E. I. Irratsional'nost' ratsional'nogo cheloveka [The irrationality of a rational person]. *Vestnik of the Russian State Humanitarian University – RSHU Bulletin*, 2014, no. 15, pp. 18–27 (in Russian).
17. Nagibina N. L., Artemtseva N. G. Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v metodologii nauchnogo poznaniya [The problem of rational and irrational in the methodology of scientific knowledge. In: *Chelovek, ikusstvo, Vsennaya* [Man, art, universe]. Pod red. I. I. Il'yasova, N. L. Nagibinoy. Moscow, Tsentr razvitiya cheloveka Publ., 2020. Pp. 21–34 (in Russian).
18. Asmolov A. G., Gusel'tseva M. S. Psikhologiya kak remeslo sotsial'nykh izmeneniy: tekhnologii gumanizatsii i degumanizatsii v obshchestve [Psychology as a craft of social change: technologies of humanization and dehumanization in society]. *Mir psikhologii*, 2016, no. 4 (88), pp. 14–28 (in Russian).
19. Ivanchenko G. V. Ponyatiye metapatologii u A. Maslou: konteksty i perspektivy [The concept of metapathology in A. Maslow: contexts and perspectives]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2008, vol. 5, no. 3, pp. 105–122 (in Russian).
20. Markvard O. Epokha chuzhdosti miru? [An era of alienation to the world?]. *Otechestvennyye zapiski*, 2003, no. 6 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epokha-chuzhdosti-miru.html> (accessed 24 November 2023).
21. Ellis A. Biologicheskoye osnovaniye chelovecheskoy irratsional'nosti [Biological basis of human irrationality]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2014, no. 6, pp. 133–159 (in Russian).
22. Tversky A., Kahneman D. Advances in project theory: Cumulative representation of uncertainty. *Risk Uncertain*, 1992, no. 5 (4), pp. 297–323.
23. Dermanova I. B., Aleksandrova O. V., Tkachenko A. E., Kushnareva I. V. Ratsional'nyye i irratsional'nyye komponenty otsenki trudnoy zhiznennoy situatsii vzroslymi (na primere rodstvennikov detey, bol'nykh tyazhelymi i ugrozhayushchimi zhizni zabolevaniyami) [Rational and irrational components of the assessment of a difficult life situation by adults (using the example of relatives of children with serious and life-threatening diseases)]. *Pediatr*, 2017, vol. 8, no. 6, pp. 118–124 (in Russian).
24. Toffler E. *Shok budushchego* [Future shock]. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (in Russian).
25. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniya* [Spontaneity of consciousness]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2011. 399 p. (in Russian).
26. Golosovker Ya. E. *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 224 p. (in Russian).
27. Golosovker Ya. E. *Imaginativnyy absol'yut* [Imaginative absolute]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2012. 320 p. (in Russian).
28. Yung K.G. *Sinkhroniya: akazual'nyy ob'yedinyayushchiy printsip* [Synchrony: an acausal unifying principle]. Moscow, AST Publ., 2010. 352 p. (in Russian).
29. Mensfeld V. *Sinkhronistichnost', nauka i sozidaniye dushi* [Synchronicity, science and soul creation]. Moscow, Kastaliya Publ., 2022. 332 p. (in Russian).
30. Sapogova E. E. Struktura lichnostnogo tezaurusa: ekzistentsial'no-psikhologicheskii podkhod [The structure of the personal thesaurus: an existential-psychological approach]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2019, no. 73, pp. 40–59 (in Russian).

Информация об авторе

Сапогова Е. Е., доктор психологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (М. Сухаревский пер., 6, Москва, Россия, 127051).

Information about the author

Sapogova E. E., Doctor of Psychology, Professor, Moscow State Pedagogical University (Malyy Sukharevskiy per., 6, Moscow, Russian Federation, 127051).

Статья поступила в редакцию 26.11.2023; принята к публикации 26.04.2024

The article was submitted 26.11.2023; accepted for publication 26.04.2024